

Глава 2. Мастер актёрской игры

Цин Нин даже не подозревал, какие интриги плетёт у него за спиной Чу Вэй. Тот, хоть и изводил его ежедневными уговорами уволиться, в глубине души считал своего партнёра неисправимым трудоголиком. В итоге в этом мире, сотканном из сознания Чу Вэй, Цин Нину приходилось каждое утро по расписанию являться на пост и часами пялиться на штабеля химических реактивов, в которых он не смыслил ни черта. Видит небо, его таланты лежали в совсем иных плоскостях: танцы, йога, живопись и музыка — вот его стихия, а вовсе не пробирки!

В итоге тяжкое бремя научного прогресса легло на плечи Цуй-цуй. Искусственный интеллект, черпающий знания из бездонных архивов интернета, соображал куда быстрее Цин Нина, так что репутация доктора Цина в компании была безупречной.

Пока Цуй-цуй, перехватив управление телом, проводил очередные опыты, сознание самого Цин Нина было занято изучением справочной литературы.

Скользя пальцами по четырнадцатидюймовому экрану, он не заметил, как начал читать вслух:

— «Как только субличность окончательно сформирована, она начинает яростно сопротивляться любым попыткам своего уничтожения. Поэтому терапевт не должен стремиться к её ликвидации. Задача состоит в том, чтобы добиться единства с основной личностью, интегрировать их так, чтобы смена состояний воспринималась как обычный перепад настроения...»

И как, спрашивается, «интегрировать» убеждение, что мужчина способен выносить ребёнка, чтобы это выглядело как «обычный перепад настроения»?

— Цуй-цуй, боюсь, твой Старший молодой господин Чу официально неизлечим, — вздохнул Цин Нин, возвращая себе контроль над телом и небрежно помахивая лабораторным отчётом.

Система, мгновенно просканировав прочитанный им текст, возразила:

«Технологии не стоят на месте, хост. Нельзя полагаться на дедовские методы в эпоху прогресса».

— Старики знали толк в жизни. Что ты, бездушная железка, понимаешь? — огрызнулся Цин Нин, недовольный строптивостью ИИ.

Не успел он ввязаться в спор с Цуй-цуй, как в дверь лаборатории робко постучали. Снаружи послышался вкрадчивый женский голос:

— Цин Нин, ты уже закончил эксперимент?

Цин Нин глянул на часы. Едва перевалило за десять утра — по графику работа должна была быть в самом разгаре.

— Ещё нет, Цзинцзин. Что-то случилось?

— Да нет, ничего такого... Просто я принесла тебе завтрак, — голос Цюй Цзинцзин заметно дрогнул от разочарования, но она тут же попыталась приободриться: — Я оставлю его в термосе у двери. Поешь, когда выйдешь, ладно?

— Не стоит, Цзинцзин, — Цин Нин устало потер висок. — Я уже завтракал.

С тех пор как он здесь появился, Цюй Цзинцзин проявляла к нему поистине неумный интерес. Несмотря на постоянные отказы, она упорно продолжала каждое утро таскать ему еду. Цин Нин никак не мог взять в толк, почему сознание Чу Вэя породило такой сюжет. Разве в этом мире все не должны быть без ума от «сына маминой подруги» и главного героя?

Когда он поделился сомнениями с Цуй-цуй, система ехидно парировала:

«А когда тебе снятся кошмары, монстры разве слушаются твоих команд? И вообще, с чего ты взял, что ты до сих пор не "в положении"?»

— То есть мир создан сознанием Чу Вэя, но само это сознание его не контролирует? — Цин Нин едва не сорвался на фальцет. — Он что, даже здесь не любимчик судьбы?

За дверью тем временем повисла тяжёлая тишина. Девушка стояла, понуриив голову и сжимая в руках двухъярусный термос. Её пальцы были заклеены пластырями — видимо, готовка далась ей нелегко. Помявшись у порога, она тихо проронила:

— Тогда я пойду, Цин Нин.

— Угу... — только и выдавил тот.

«Ну вот, — подумал он, — кажется, у моего фиктивного мужа наметились рога».

Весь остаток дня Цин Нин откровенно бездельничал, а ровно в пять собрал вещи и покинул здание. Водитель уже ждал у входа. Усевшись на заднее сиденье, Цин Нин с удивлением обнаружил, что в машине пусто.

— А где Чу Вэй?

Раньше тот всегда заезжал за ним лично.

— Когда я уезжал, господин ещё был завален делами в офисе, — отозвался водитель, мужчина средних лет с добродушным лицом. Решив, что Цин Нин просто капризничает, как это бывает в молодых семьях, он весело добавил: — Вы, небось, проголодались? Господин так заботится о вас — к каждому вашему приходу готовит ужин сам.

Цин Нин лишь пожал плечами. Зачем Чу Вэй самому стоять у плиты, когда любой повар приготовил бы в сто раз вкуснее? Видимо, это была какая-то тайная страсть, которую в реальности Чу Вэй подавлял, а в мире сознания дал ей волю.

Машина плавно затормозила у дома. Поблагодарив водителя, Цин Нин подошёл к дверям. Странно — Чу Вэй, обычно карауливший его у порога, не выскочил навстречу. Но стоило Цин Нину достать ключи, как дверь распахнулась, кто-то бесцеремонно втянул его внутрь и прижал к стене.

Сумка с глухим стуком упала на пол. Чу Вэй одной рукой перехватил запястья Цин Нина над головой, а другую запустил под подол рубашки, по-хозяйски ощупывая живот. Прижавшись лицом к его шее, он издал звук, в котором смешались обида и облегчение:

— Крошка, всё ещё пусто...

От столь беспардонного «осмотра» Цин Нин вспыхнул так, что, казалось, от него сейчас повалит пар. Видя его реакцию, мужчина, чей энтузиазм изначально был чисто «медицинским», мгновенно сменил настрой.

— Раз уж пока не получается, может, займёмся этим прямо сейчас?

«Да что ж такое! На уме только одно — плодиться и размножаться!»

Сердце Цин Нина колотилось от смеси гнева и смущения. Слова протеста застряли в горле, когда Чу Вэй принялся осыпать его поцелуями. Видя, что дело принимает совсем серьёзный оборот, Цин Нин наконец обрёл дар речи:

— Нельзя! Это... это вредно для здоровья!

Чу Вэй замер, опаливая его ухо горячим дыханием:

— И чем же, позволь узнать?

— Излишнее рвение ведёт к истощению организма! Пожалей почки! — выдал Цин Нин, надеясь, что этот аргумент подействует. К его ужасу, Чу Вэй лишь негромко рассмеялся. Его смех, вибрирующий прямо у уха, заставил Цин Нина вздрогнуть.

— Мои почки в полном порядке, крошка. Тебе ли не знать?

Будто решив, что градус абсурда ещё недостаточно высок, в голове Цин Нина звякнул голос Цуй-цуй:

«Хост, баллы доверия Старшего молодого господина Чу снова упали».

На мгновение Цин Нин в бешенстве скривился. Резко рванувшись, он на удивление легко опрокинул застигнутого врасплох Чу Вэя и сам прижал его к дверному полотну. Спросить напрямую о падении доверия он не мог, поэтому лишь яростно впился зубами в его шею, оставляя наливающийся багрянцем след.

«Вот же гад! — кипело в нём. — На словах ластится и заигрывает, а в душе сомневается! Получай, не подавись!»

Чу Вэй охнул, но не отстранился. Напротив, он весело обхватил голову Цин Нина руками и шутливо запричитал:

— Ой-ой, какая же моя Крошка Нин-нин кусачая.

— Эм-м... — даже Цуй-цуй зашёл в тупик, пытаясь разгадать логику создателя мира. — Баллы доверия поднялись на одно деление.

«О как, — хмыкнул про себя Цин Нин. — Так он у нас мазохист? Слепое повиновение ему не по нутру, подавай перчинку?»

— Как день в компании прошёл? — Чу Вэй отпустил его и, насвистывая, направился на кухню, на ходу поправляя передник. — Случилось чего?

— А что могло случиться? — Цин Нин поднял сумку, бросил её на диван и ушёл в спальню. Он уже начал расстёгивать пуговицы на рубашке, но внезапно передумал, застегнулся обратно и замер в дверях кухни, пристально наблюдая за Чу Вэем.

Раньше тот никогда не расспрашивал о работе. А сегодня вдруг — этот вопрос. И именно в тот день, когда Цзинцзин приносила еду. Совпадение? Или Чу Вэй прощупывает почву? Неужели он приставил к нему слежку?

Цин Нин открыл перед глазами системный интерфейс. Уровень симпатии зашкаливал, перевалив за все мыслимые пределы. И это сбивало с толку: Чу Вэй явно был от него без ума, так почему же продолжал подозревать? Разве этот «Сяо Яоцзин» не должен крутить им как хочет?

— Что ты так на меня смотришь? — Чу Вэй обернулся с мягкой улыбкой. — Почему не переодеваешься? Неужели в рубашке удобно?

Цин Нин коротко хмыкнул. Разглядеть в выражении лица Чу Вэя что-то подозрительное не удавалось, а ужин явно задерживался.

— Вовсе не удобно. Пойду переоденусь.

Чу Вэй ничего не ответил, погрузившись в дела. Когда Цин Нин вернулся, на столе уже дымилось несколько блюд. Подойдя к раковине, чтобы помочь с посудой, он заметил, что Чу Вэй держит палец под струёй холодной воды. На его левом указательном пальце виднелся косой порез, а в раковине сиротливо мокли ошметки неаккуратно порубленного имбиря.

— Ну как же ты так? — Цин Нин, с детства не выносивший вида крови, поморщился, словно порезался сам. Он решительно выключил воду и потянул мужчину за собой: — Хватит мочить, пошли обрабатываем.

Чу Вэй промолчал, лишь окинул его холодным взглядом. Цин Нин опешил и даже немного сердито прикрикнул:

— Ну? Что опять не так?

— Супруга, — внезапно тон Чу Вэя смягчился. Он обнял Цин Нина здоровой рукой, прижимая к себе. — Я люблю тебя.

Цин Нина пробрала крупная дрожь. Чёрт бы побрал этого Цуй-цуй с его советами выбрать роль, которой легче всего доверять! Теперь он не только не получил искомого доверия, но и вынужден выслушивать эти «супруга» и «жена» по десять раз на дню!

— Ладно, ладно, чего ты разнежился, — Цин Нин, никогда раньше не слышавший столь искренних признаний от мужчины, почувствовал себя крайне неудобно. Он неловко похлопал Чу Вэя по спине: — Сядь за стол, я принесу аптечку.

Чу Вэй послушно устроился на стуле. Цин Нин быстро обработал рану и заклеил её пластырем, после чего вернулся на кухню разложить рис.

Обычно за ужином Чу Вэй болтал без умолку, но сегодня он был на удивление притихшим, лишь молча ковырялся в тарелке. Цин Нин терялся в догадках, но после того внезапного объятия расспрашивать не решался. Трапеза прошла в гнетущей тишине, от которой у Цин Нина начало ныть под ложечкой.

Едва Цин Нин отставил пустую чашку, Чу Вэй, не говоря ни слова, потянулся к посуде. Вспомнив про его порез, он перехватил его руку:

— Сиди, у тебя рана. Я сам помою, нечего соль на рану сыпать.

— Разве пристало супруге мыть посуду? — глухо отозвался Чу Вэй, упрямо забирая тарелки.

— Чу Вэй! — Цин Нин окончательно вышел из себя. Это поведение довело его до точки кипения — хотелось просто хорошенько встряхнуть этого упряма. С помрачневшим лицом он отобрал посуду, выставил её обратно на стол и силой усадил мужчину на диван. — Колись, что с тобой? На что ты дуешься?

Чу Вэй теребил край пластыря, всё ещё пытаясь сохранить лицо:

— Я не сержусь.

— Посмотри на себя, — Цин Нин скрестил руки на груди и язвительно хмыкнул. — Хочешь сказать, это твоё обычное состояние?

— А ты на что сердишься? Тебя-то никто не обижал! — в голосе Чу Вэя прорезались нотки раздражения, которые тут же сменились плохо скрываемой обидой. — Вечно ты всё делаешь не так... А я ведь так тебя люблю...

Цин Нин на автомате зажал ему рот ладонью. Осознав, что сделал, он тут же отдернул руку и неловко кашлянул:

— Э-э, извини... Продолжай. Это я так, по привычке.

Чу Вэй замолчал. Он долго и пристально смотрел на Цин Нина, а потом внезапно вздохнул, и вся его воинственность испарилась.

— Пойду прилягу. И ты ложись пораньше.

Цин Нин застыл на месте.

«Как же хочется ему врезать... Но придётся терпеть».

<http://bllate.org/book/17520/1648473>